

БОРИС ЗАЙЦЕВ

**РЕКА ВРЕМЕН. ОТ АФОНА
ДО ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ**

Борис Зайцев

**Река времен. От Афона
до Оптиной Пустыни**

«Public Domain»

2007

УДК 82
ББК 84Р

Зайцев Б. К.

Река времен. От Афона до Оптиной Пустыни / Б. К. Зайцев —
«Public Domain», 2007

ISBN 978-5-485-00407-1

Борис Константинович Зайцев (1881—1972) — один из выдающихся писателей русского зарубежья, переводчик и публицист, классик Серебряного века. В сборник «Река времен» вошли разные по жанру и стилю произведения — жизнеописания святых, переосмысленные автором, его впечатления от путешествий по святым местам, биографическое эссе о Достоевском и художественные рассказы.

УДК 82
ББК 84Р

ISBN 978-5-485-00407-1

© Зайцев Б. К., 2007
© Public Domain, 2007

Содержание

Жизнеописания святых	6
Царь Давид	6
I	6
II	11
III	19
Алексей Божий человек	21
I	21
II	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Борис Зайцев
Река времен. От Афона
до Оптиной Пустыни

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви №
ИС 10-10-0801

Жизнеописания святых

Царь Давид

Буду петь Господу, покуда жив:

Буду бряцать Богу моему, доколе есмь.

Псалом 103.

I

Младший сын Иессея вифлеемлянина пасет овец своего отца.

Царствует же Саул. Но неблагополучно: не послушался Бога, согрешил – Самуил прорекает ему падение. Произнес пророчество и ушел в Рамаф. Более никогда Саула не видел, но оплакал его.

Пророк Самуил мог бестрепетно рассечь царя Агага, мог и над Саулом плакать. Впрочем, не так долго. Он ведь и не он, лишь голос Бога, лишь слушающий и говорящий. Как ребенком слышал в храме слова о священнике и отвечал Богу: «вот я», – так и теперь, встал, взял рог с елеем и отправился. Путь его в тот же город, куда чрез тысячу лет волхвы придут – в Вифлеем Иудейский. Там ему дело как будто бы небольшое: принести жертву. Но вот именно лишь как будто.

Иессей приглашен к жертвоприношению. Его сыновья также. Один другого выше и статней, великолепнее. Но все это не то. Пророк принес в жертву юную телицу и не успокоился. Все ли сыновья пришли? Ведь Бог ясно сказал: «Я усмотрел Себе царя между сынами его».

Да, есть еще один, младший. Пасет овец – его Иессей и не считает: подросток. Пророк настаивает: «пошли за ним».

Появляется юноша Давид, в скромном облике пастушка. Понимает ли кто, для чего его зовет? «Это тот самый», – так говорит Господь. Велик Самуил. Грозен рог его с елеем, не напрасно Анна посвятила его Богу, бритва не касалась головы его. Он помазывает теперь, тотчас же, русого юношу с прекрасными глазами, только что взятого от пастбищ, тмина, дубрав, овец, коз, звездных ночей вифлеемских. А сейчас он помазанник в цари Израильские.

Пока еще тайно. Ни для кого не царь, кроме Бога и Самуила. Но уже дух Божий на нем, несмотря на всю его скудость. На нем тот дух, который был и на Сауле, а теперь отнят.

О том, что таинственно произошло в Вифлееме, откуда Саул мог бы знать, у себя в Гавае? Давид помазан на царство: если бы и сообщили ему, конечно бы, не поверил. Пастушок Иессеев – царь! Вместо него, победителя филистимлян, аммонитян и амалекитян!

Но узнал он другое: в Вифлееме есть юноша, очень милый, музыкант, гуслиар. Скромный, красивый. Удивительно играет на гусях.

Саул вызвал его к себе. Это нетрудно было сделать. Иессей дал осла, нагрузил его хлебом, положил мех вина, козленка – небогатый, вечный обиход Востока, – рядом зашагал Давид.

* * *

Он, конечно, был рожден поэтом, музыкантом: из породы украсителей Вселенной, как Орфей. Одиночество, овцы, звон цикад иудейских, веянье предрассветного ветерка (звезды бледнеют, нежно сиреневают горы Моавские за Иорданом) – вот в чем возрел. А над всем

этим Господь Саваоф. Он живет уже в сердце, но тайно. Может быть, именно в гусях и говорит.

Но еще не в псалмах. Не тогда слагал Давид Псалмы – славу же Божию и могущество и величество Его ощутил, разумеется, уже на пастбищах вифлеемских.

Саул не ошибся в выборе. Юноша очень ему понравился, музыка его также. Он сделал его своим оруженосцем.

Сердце Саулово томил «злой дух от Господа». На него нападал мрак. Тогда он звал Давида, тот играл ему на гусях. И вот Саулу лучше, он свободнее дышит. «Отступал от него злой дух».

* * *

Давид, хотя жил у Саула, но возвращался и домой. Когда началась война с филистимлянами, он как раз был у отца, а три старших брата его пошли в войско. Отец отправил Давида в стан снести братьям меру сушеных колосьев и десять хлебов. А тысяченачальнику – десять колобов сыру.

На отлогости дубравы, где стояли израильтяне, а против них – филистимляне, Давид явился деревенским юношей с дарами – не из пышных. Голиаф в это время хвастал и вызывал на бой. Тем же наитием, как Орлеанская Дева, Давид принял вызов. Так же, как она, чувствовал себя не собой, не каким-то Давидом из Вифлеема, а рукой Божией, поражающей чудище. Потому и сказал филистимлянину: «Ты идешь против меня с мечом, копьем и щитом; а я иду против тебя во имя Господа Саваофа, Бога воинства израильского, которое ты поносил».

Он и действительно шел без доспехов – снял те, что надел на него Саул. Был в пастушеском плаще, с сумкою для камней, с палкою и пращей. Сражался не как солдат войска Саулова, а как Божий посланец.

Исход боя известен. Он вознес Давида и открыл пред ним новое, блестящее, но и бедственно-грозное существование.

Давид сразу прославился. Когда возвращались с филистимской войны, народ выходил встречать победителей, женщины водили хороводы, пили, били в тимпаны.

И уже возглашали: Саул поразил свои тысячи, а Давид свои десятки тысяч.

Что-то было в нем обольщавшее и мужчин, и женщин. В собственной семье у Саула полюбили Давида двое: сын Ионафан, дочь Мелхола.

Ионафан предался ему вполне. «Душа Ионафана соединилась с душою Давида, и возлюбил его Ионафан как свою душу». Снял свою епанчу, отдал ее Давиду, все свое вооружение, до меча, и лука, и пояса: точно сливался с ним.

А Мелхола просто: «полюбила», – в Сауловом доме это кое-что значило. И любить умели, и ненавидеть.

Вот он, новый помазанник. Восходит, как юное божество. И чем ярче, светлее, тем черней прежний. Саул сделал его своим военачальником, но замышляет недоброе. «Только царства Давиду недостает? Что же, пусть!»

Предлагает ему в жены Мелхолу. Давид смущен. Царская дочь, он вчера еще только пастух, певец...

Но богатого выкупа и не надо: пусть убьет сто филистимлян. (Пусть, раздумывает Саул, филистимляне сами расправятся с ним.) Давид с ратниками своими вышел, убил двести – принес доказательства. Саул отдал за него Мелхолу. И стал врагом навсегда.

Давиду уже все удается. Пошлют ли его с поручением, он отлично исполнит. Воюет ли с филистимлянами, одолевает. Для Саула соперник опаснейший. И окончательно тот решает убить его.

Раньше бывало так, что, когда Саул впадал в тоску, Давид игрой на гусях своих исцелял его. Теперь не то. Вот играет Давид, а Саул схватывает копьё и в него мечет. Давид уклонился, но потом сказал Ионафану: «Между мною и смертью не более шага».

Смерть пришла бы, конечно, к Давиду, если бы не любовь.

Молодая Мелхола, подобно многим прабабкам своим, иудейкам лукавым, придумала хитрость: в ночь, когда слуги Саула должны были ворваться в дом Давида, захватить его, она спустила мужа тайно из окна, вместо него положила домашний кумир, под голову ему ковер из козьего волоса, накрыла одеждой. Посланным сказала, что Давид болен – вот он лежит в постели. Но Саул вновь посылает: пусть принесут и больного, чтобы убить. Этого, может быть, Мелхола не ожидала. Обман обнаружен. Но гнев отца она выдержала. Как могла бы предать ему любимого мужа?

Давиду нельзя было теперь видаться с Ионафаном открыто. Он встретился с ним тайно, накануне новолуния, и заключил завет вечной любви: не тронет никогда потомства Ионафана. А сейчас должен скрыться, дня на три. Потом будет ждать Ионафана у скалы Азель. Ионафан выведает окончательно, упорствует ли Саул в ненависти, или его можно смягчить. И вот Ионафан выйдет с отроком в поле и будет метать стрелы. Если крикнет отроку: стрелы не доходя тебя, – то жив Господь, нет опасности, можно возвращаться к Саулу. Если же скажет: стрелы дальше тебя... – тогда Давид должен уходить, Господь отсылает его, как стрелу.

На второй день новолуния Саул спросил Ионафана, почему место Давида за столом пусто. Ионафан объяснил: Давид отпросился в Вифлеем. Саул впал в гнев, укорил Ионафана в любви к Давиду – метнул в него копьём. Ионафан увернулся.

А на другой день вышел с отроком в поле, к скале Азель.

Тихое и бессолнечное, с жаворонками, невысохшею росой, лиловыми горами в отдалении, утро Иудеи. Пустынно. Вдаль идут голые холмики кофейного цвета, перемежаясь с песками, кое-где кустарник, травка. Ионафан в епанче, с луком. Впереди отрок. Сбоку Азель – мертвый камень.

Стрела летит, падает. Другая свистит. Отрок бежит. «Нет ли стрелы далее тебя? Спешу, неси». Давид слушает за утесом: стрела далее отрока. «Господь отсылает меня».

Отрок приносит стрелу, Ионафан отдает доспехи – неси в город.

Никого нет вблизи. Отрок уходит. Может быть, ястребок пустыни видит Давида, выходящего из-за скалы.

Вот он стал с южной стороны, трижды поклонился земно, подошел к Ионафану, обнял его. Они поцеловали друг друга. И оба плакали. «Но Давид плакал более».

* * *

Он содрогнулся не напрасно. Разумеется, понимал, что ему предстоит. Из музыканта, юноши-пастуха, посланца Божия в борьбе с Голиафом превращался в мужа, ведущего тяжкую борьбу. Он знает цель. Помнит помазание. Но путь – сколь же и горек! Сколько борьбы, греха, мучения. «Скитание мое исчислено у Тебя, слезы мои хранятся в сосуде у Тебя, оне в книге Твоей».

Истомленный пришел Давид к Номву, к священнику Ахимелеху. Тот удивлен, смущен: почему же Давид один? Давиду приходится идти на все. Он обманывает Ахимелеха – первый же шаг уже прегрешение. Он говорит, что послан с тайным поручением царя, слуги ждут в другом месте. А сейчас он умирает от голоду.

У священника нет ничего кроме хлебов предложения. Он дает их Давиду. Тот ест. Происходит удивительное событие: беглец, обманувший священника, съевший хлебы, «снятые с трапезы Господней», торжественно входит в Новый Завет. «Проходил Иисус в субботу засеянными полями; ученики же Его взалкали, и начали срывать колосья и есть». На упреки фари-

сеев о субботе Спаситель отвечает: «Разве вы не читали, что сделал Давид, когда взалкал сам и бывшие с ним? Как он вошел в дом Божий и ел хлебы предложения, которых не должно было есть ни ему, ни бывшим с ним, а только одним священникам?»

Думая, что Саул послал его, Ахимелех дал Давиду, по его просьбе, и меч Голиафа, хранившийся при храме.

Давид ушел далее, к Анхусу, царю Гефскому. Шел и боялся: вдруг тот узнает в нем Давида, поражавшего «свои десятки тысяч». Тут впервые является знак исступленности, юродства Давида. Он прикидывается безумным, играет роль – не без успеха. «Чертил на дверях ворот и пускал слюны на бороду свою».

Но Анхус проявил явное здравомыслие. Разбрал слуг, что они пустили безумного «сумасбродствовать» перед ним. «Может ли такой ходить в мой дом?»

Давида выгнали, и он ушел – в пещеру Адулламскую, потом в землю Моавитскую, затем в Иудею, в лес Хареф. К нему собрались братья его и весь дом отца, а также угнетаемые, и притесняемые, и все душевноогорченные. Давид становится прибежищем обиженных, отряд его растет, достигает четырехсот человек.

А Саул разузнал, что священник Ахимелех принял Давида, – донес идумеянин Доик, в тот же день приходивший к Ахимелеху. Этому Дойку повелел Саул истребить всех священников в Номве – и самого Ахимелеха. Тот так и сделал, даже больше, в духе времени: «Как мужчин, так и женщин, отроков и грудных младенцев, и волов, и ослов, и ягнят, все острием меча». Один Авиафар, сын Ахимелеха, спасся. Прибежал к Давиду, рассказал о случившемся. Давид задумался. Он видел у Ахимелеха этого идумеянина. «Я знал, что он непременно донесет Саулу». Знал, но, что нужно ему было, сделал. Давид и не притворялся. Знал и сделал, ибо такова его судьба. Да, вот совершил грех: безвинно погиб из-за него Ахимелех и столько еще других. «Я повинен за всякую душу семейства отца твоего», – но он идет, продолжает идти, он – помазанник Божий, чрез все тягости и грехи надо выйти в вожди Израиля. О, насколько покойней, безгрешней юным Орфеем сидеть у дубравы, воспевать Бога, играть на гуслях.

Начинается время псалмов, исступленных восхвалений, покаяний, стонов – просьб и жалоб. «Боже! именем Твоим спаси меня и крепостию Твоею дай мне суд. Боже! услышь молитву мою, внемли словам уст моих. Ибо чуждые восстали на меня и сильные ищут души моей».

По пещерам, пустыням, лесам скитается Давид с отрядом – не то атаман вольницы, не то пастух-царь, не то воин-музыкант с гуслями. Саул гонится по пятам. Надо вечно быть насто-роже, уходить, заметать следы, в глухих ущельях разбивать шатры, разводив огонь. И надобно питаться! Чем? Охотой, ловлей? Разумеется. Но и набегам. И в этом Бог участвует. В пустынной ночи спрашивает Его Давид: идти ли на филистимлян под Кеиль? «Иди». Идет, сражается удачно, отбивает скот. «Предадут ли меня жители Кеиля?» «Предадут» – и уже Саул со своим войском спешит захватить его там. Давид вновь уходит, спасается в горах Зиф.

В ранней юности пас он овец близ Вифлеема. Но тогда не было ни врагов, ни опасностей, гусли служили для пения сладостного. А теперь на этих же гуслях стон о гибели Ахимелеха. «Что хвалишься злодейством, сильный? Милость Божия всякий день. Гибель вымышляет язык твой; он, как отточенная бритва, совершает коварство. Ты любишь более зло, чем добро, более лгать, чем говорить правду. Любишь всякие речи гибельные, язык коварный! За то Бог ниспровергнет тебя вовек...» Но в конце, о Боге: «Вечно буду славить Тебя», – Бога Давид не забывает никогда.

Печаль же его велика. «Внемли мне и выслушай меня; я рыдаю в грусти моей и стенаю». Сколько этих стенаний в псалмах!.. «Моление мое пред Ним пролию, печаль мою Ему возвещу» – указано так: «Молитва, когда он был в пещере». Все, все против него! Одно прибежище – Господь. «Ты доля моя на земле живых».

Но на земле живых все необычайно. Предводитель отряда удальцов, тоскующий в горах, пещерах. Вождь, тяжким путем идущий к царству, – и провидец, возглашающий из своих пустынь: «Близок Господь к сокрушенным в сердце, и смиренных духом Он спасает». Атаман иудейский, с приближенными угоняющий скот у филистимлян, действующий «острием меча» и за тысячу лет до Нагорной проповеди возгласивший: «Кроткие наследуют землю». Наследуют землю! В век, когда на войне убивали не только врагов-воинов, но истребляли вообще всех, жен, и детей, и ослов, и ягнят – «все острием меча».

Давид достаточно натерпелся в скитаниях. Холодны ночи зимние в Иудее. Дымны костры в пещерах, кутайся в епанчу, слушай вой ветра в сухих кустарниках да завыванье шакалов. Но какие звезды! Как горит Орион.

А летом лиловенькая лаванда по скалам, мята, тмин, небесная нежность зорь утренних, райская чистота воздуха... Мех вина, козий сыр, ломоть хлеба – «вино веселит сердце человека», «хлеб укрепляет тело». Но нельзя быть праздным, созерцателем, поэтом, музыкантом Господним. В сиреневых долинах и за голыми кофейными холмами Иудеи бродят враги. Саул в вечной погоне!

Вот спустился Давид к утесу пустыни Маон, а Саул со своими идет по той стороне горы, стараясь его окружить, – у Саула людей больше. Давид на волосок от гибели. Вдруг Саул получает известие: филистимляне напали на страну. И ушел Саул. Гору же назвали «горой Отвлечения».

Но остановиться Саул не может. Злой дух владеет им, мучит, гонит. Отвоевав с филистимлянами, вновь кидается он на Давида. С ним три тысячи лучших воинов. Давид засел в неприступных местах Енгадди.

На вершине «скал горных коз» искал его Саул – здесь и произошла встреча. «И пришел к загону овец, подле дороги, где была пещера; и вошел в нее Саул для нужды; а Давид и люди его сидели в глубине пещеры».

Какой случай отделаться от врага! Беглецы шепчут Давиду: убей, ведь это Бог предает его в руки твои. Но Давид и Саул оба помазанники. Не просто борющиеся за власть царьки бродячего племени. Суд не пришел еще, и не Давид судья. Руку же Божию Давид как всегда ощущает – помазанника Господня убить не может. И, подкравшись безмолвно, отрезает кусок епанчи.

А потом, когда Саул вышел, Давид окликнул его. Саул обернулся. Наклонившись к земле лицом и простершись пред ним, стал умолять Саула не верить наветам. Он вовсе не враг. Если бы был враг... – и показал кусок епанчи. В дальнейших словах – и стон, и как бы скрытый упрек: «За кем выступил царь Израильский? За кем гоняешься ты? За мертвым псом, за одной блохой».

Саул поражен. Саул, метавший копьё и в Давида, и в собственного сына Ионафана, тут заплакал. («Твой ли это голос, сын мой Давид? И возвысив голос свой, заплакал»). Даже врага мог обольстить Давид! Тут обольстил явно тем, что опять – выйдя из Ветхого в Новый Завет – добром ответил за зло.

Давид поклялся ему, что не будет мстить его роду, когда станет царем.

На этом они расстались.

* * *

Но Саул скоро возобновил преследование. На холме Гахила вновь Давида настиг. Произошло почти то же, что и на «скале горных коз». Давид ночью пробрался во вражеский стан, похитил у спавшего Саула копьё и сосуд с водою. Опять мог убить его, опять не убил. Утром же показал ему из своего лагеря это копьё (не то ли самое, каким Саул пытался пригвоздить

его к стене во время игры на гусях?). Опять Саул называет его «сын мой Давид» и они будто бы мирно расходятся.

Давид все же считает, что нельзя ему оставаться в Иудее. Он ушел к Аахусу, царю Гефскому, у которого однажды уже был. Но теперь безумцем не представился, на воротах не чертил, слюны в бороду не пускал. Со своим отрядом в шестьсот человек поступил к нему на службу.

Делал набеги на гессурян, герзеев и амаликитян, «не оставлял в живых ни мужчин, ни женщин» – разорял и южную часть Иудеи. (И все то же: острием меча, острием меча.) Царь Анхус, в здравомысленности своей, полагал, что теперь Давид уже верный раб его: никогда не простит ему Иудея этого острия меча. Но судьба Давида выше здравого смысла. Путь его таинствен. Не Анхусу простоватому разгадать его.

А Саул тоже несется, все вперед, все вперед. Дух мрачный и страждущий, темный и неутомимый! Жжет его огонь. Данте поместил бы его в круг ада, но он и живя – в аду. Наваждение мучит его. Он согрешил, ослушался Бога. Но признал вину. Однако покаяние не принято. Давид тоже грешил, и много. Пламеннее ли взывал, глубже ли терзался? Более ли связан с Богом, никогда не порывая с Ним? Лучше ли Саула слышит Бога и Бог лучше ли слышит его?

В филистимской войне Саул просит Бога дать ответ о будущем. Бог молчит. Саул покинут. Он делает то, чего никогда бы не сделал Давид: тайно, переодевшись, идет ночью к эндоррской волшебнице. Во время волхвования вдруг она узнает в нем Саула – и в ужасе. Он ее успокаивает. «Не бойся. Но что ты увидела?»

Тьма, пустыня, Саул, кутающийся в епанчу, крик совы, вой шакала. В адских испареньях зелий вызывает колдунья тень Самуила.

«Тяжко мне очень, – говорит Саул, – филистимляне воюют против меня, а Бог оставил меня и более не дает мне ответа ни чрез пророков, ни в сновидениях».

Длиннобородый, страшный Самуил выступает в туманах. Потрясен могильный сон его – слова глухи.

«Для чего же ты вопрошаешь меня, когда Господь оставил тебя и стал за соперника твоего?»

Да отнимется у него царство, отдастся Давиду.

«И предаст Господь, вместе с тобою, даже Израиля в руки филистимлян; и завтра ты и сыновья твои будете со мною».

Саул в ужасе падает на землю. А на другой день, в бою, филистимляне обратили в бегство израильтян. На горе Гелвуде пали сыновья Саула – среди них Ионафан, друг юных дней Давида.

Саул видит, что все погибло. Уже лучники тяжело ранили его стрелами. Он просит своего оруженосца заколоть его. Тот не решается. «Тогда Саул взял меч и пал на него».

II

Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое.

Псалом 50

Узнав о смерти Саула, Давид рвет на себе одежды, плачет, постится до вечера. Нет, он не мертвый пес, не блоха, не пеликан, а растущий и мужающий Давид, завтрашний царь, нынешний воин, победитель амаликитян и как всегда певец. Не только стенал, рвал одежды. Но и оплакал Саула в лире.

«...Горы Гелвудские! Да не будет на вас ни росы, ни дождя, ни полей плодоносных, «ибо там опозорен щит доблестных, щит Саула, как бы он ни был помазан елеем».

«...Дщери израильские! Плачьте о Сауле, одевавшем вас в багряницу с драгоценностями, возлагавшем золотые украшения на ваши наряды».

Про это можно еще сказать: дань уважения помазаннику. Но Ионафан не был помазанником и давно, еще сняв епанчу свою, передав ее Давиду, как и меч, и лук, пояс, передал все права на царство. О нем слова, заканчивающие песнь, уж не внешний вопль. В них живое, человеческое сердце Давида. И насколько они проще!

«Сколько о тебе, брат мой Ионафан: ты был для меня так драгоценен; любовь твоя ко мне была превыше любви женской».

Ни об одной из жен своих не обмолвился Давид словом. Соломон прославил Суламифь. Давид упоминает солнце и луну; горы у него дымятся; прыгают онагры, зайцы. Все он прижимает к сердцу: море и долины, львов и аистов. И нигде нет женщины. Но вот Ионафан: этот выше всего. «Любовь твоя ко мне была превыше любви женской».

И все-таки идола из любви земной никогда не делал Давид. Ионафан был ему весьма «драгоценен», но «превыше» всего Бог. С Ним он вышел, с Ним, никогда не отвращаясь, продолжает путь. Смерть Саула возводит его на ту высоту, которая была указана помазанием Самуила – тайным, мистическим. Теперь начинается новое.

Как поступать, оставшись без соперника? Что делать? Опять обращение к Саваофу: «Вступить ли мне в какой-либо из городов Иудиных?» – «Вступи». Давид хочет узнать, куда именно. Ответ точный: «В Хеврон».

Хеврон южнее Вифлеема, близ дубравы Мамврийской, где Бог явился некогда Аврааму, в знойный полдень. Получив повеление остановиться там, Давид как бы приобщался к великому древу народа еврейского. Туда пришли к нему «мужи Иудины» и помазали на царство – теперь уже открыто – над коленом Иудиным. Давиду исполнилось тридцать лет.

* * *

Еще во время странной борьбы своей с Саулом взял он себе двух жен: Ахиноаму израильтянку и Авигею, жену Навала. Обе кочевали с ним по пустыням и горам Иудеи, попали однажды в плен к амаликитянам – делили все тягости его неверного существования. Мелхолы же с ним не было. Ее задержал Сеал. И выдал замуж (вторично) за некоего Фалтия, сына Лаиша из Галлима.

Кто был Фалтий (или Фалтиил) этот, как жила с ним Мелхола – неизвестно. Она является вновь лишь по воцарении Давида в Хевроне.

Тут у него уже не две жены, а шесть. Все они рожают ему сыновей, одна из них – Авессалома.

Но с домом Саула война продолжается, явно с перевесом на стороне Давида. И вот, вдруг Давид требует возвратить ему Мелхолу. Условие принято: «Тогда Иевосфей послал взять ее от мужа ее Фалтиила, сына Лаишева. И пошел с нею муж ее, и не переставал плакать о ней до Бахурима; когда же Авенир сказал ему: поди, возвратись, то он возвратился». Кто был этот Фалтиил, до Бахурима оплакивавший свою любовь, мы не знаем. Но вот Священная Книга запечатлела его горе в трех строках, и через три тысячи лет живы три строки.

Мелхола же вновь у Давида, но не как юная царевна при герое-пастухе и музыканте и не как спасительница, а как добыча царя Иудейского.

Скоро Давида признали и другие колена Израилевы, пришли, поклонились – соперников у него больше не было. Он царь не только Иуды, но и Израиля.

В Хевроне Давид не остался. Недалеко, к северу, был небольшой город, принадлежавший племени иевусеев. Он лежал на холме Мориа, на том месте, где некогда Авраам чуть было не принес в жертву Богу сына своего Исаака. Холм влек к себе Давида – не заветом ли того безраздельного подчинения, которое было на нем явлено? Иевусеи думали, что Давиду не взять

их: хромые и слепые отразят его. Но они ошиблись, Давид именно взял крепость иевусеев Сион и поселился в ней, укрепил ее, положил начало городу, в котором чрез тысячу лет Спаситель взойдет на Голгофу. Сквозь облака Ветхого Завета вновь тянет, тянет Давида к Новому.

Это не значит, что в Иерусалиме начал он жизнь новозаветную. Всюду у него два направления: прежнее, ясное, в чем он родился. И лишь пробивающееся новое.

Лишь смутным наитием чувствует он его, а живет в прежнем. Но не с тем великим спокойствием, как Авраам. «Помилуй мя Боже, по велицей милости Твоей и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое». Авраам совершенно целен и вполне первобытен. Он не может ничем терзаться. Это – море, горы, ветер. Для него трагедии нет. Он как бы не отделен от стихий. Давид же отравлен – первый человек нового времени.

По внешности все в Иерусалиме устраивается по-прежнему: более могущественен царь – более может взять себе жен. Давид и взял, и жен, и наложниц, они рожали ему и сыновей, и дочерей.

Он живет теперь в новом доме, выстроенном из камня и кедровых деревьев, присланных царем Тирским. Воюет удачно и отражает всегдашних врагов, филистимлян. Чувствует, что теперь царство его прочно, благословлено Богом. Но Ковчега Завета в Иерусалиме еще нет. Давид решил перевезти его туда из города Ваала, из дома Авинадава.

Первое путешествие кончилось неудачно. Хотя народ и сам Давид «ликовали пред Господом» с кипарисовыми ветвями, цитрами, гусями, тимпанами, бубнами – очевидно, пели и плясали, но произошло несчастье: «около гумна Нахона» воли неловким движением едва не опрокинули колесницу. Оза, сын Авинадава, сопровождавший Ковчег, подхватил его, стараясь поддержать. Но был убит на месте: не может смертный своевольно прикоснуться к Богу!

Давид испугался. Ковчег отправили к гефянину Аведдару и лишь через три месяца решились вновь за него взяться.

На этот раз со всеми предосторожностями несли на руках. Чрез каждые шесть шагов Давид приносил в жертву «вола и откормленного быка»: все обошлось благополучно, Ковчег занял свое место в Скинии Иерусалима.

Давид же «скакал изо всей силы пред Господом», а «одет был в льняной ефод» – видимо, впал в блаженное исступление, свойственное ему. Раньше являл себя поэтом, музыкантом, воином. Перед Анхусом изображал умалишенного. Теперь всенародно, но уже искренно, выставлялся танцовщиком, безумствующим во славу Божию: так страшен, грозен Ковчег, так трудно было его доставить, но вот теперь он здесь, в Скинии, – надо же возблагодарить Господа.

Из окна видела все это Мелхола. Вероятно, очень уж странное, дикое было в скакании Давида – вот в каком виде тот, кого она некогда полюбила! И Мелхола, царская дочь, «презрела его в сердце своем».

Может быть, «презрела» и раньше, когда он покинул ее, спасшую ему жизнь, променял на одиннадцать жен и неведомое число наложниц, теперь привел сюда насильно, чуть ли не как пленницу. Любовь ее не нужна уже: она полураба, полужаловница. Но Саулова кровь неукротима. Какая из одиннадцати жен осмелилась бы сказать ему то, что сказала Мелхола?

«Как славно вел себя сегодня царь Израилев, выставив себя ныне напоказ пред рабынями слуг своих, как выказывает себя какой-нибудь плясун!»

Три тысячи лет прошло, а все плачет Фалтиил по своей любви, все гневается Мелхола: не прощает оскорбленной любви, гарема, поругания. «Боже! Ты знаешь безумие мое, и вины мои не сокрыты от Тебя!»

Это слова Давида. Много и долго будет он еще звать о «винах» и «безумиях» своих пред Богом. Но Мелхоло, так удивительно ему сказавшей, отвечает иначе. Холодно и недобро, но как равной. Он «веселился» пред Богом, который предпочел его, Давида, ее отцу и ее дому. «И если я еще более того умалюсь и смирюсь в глазах моих: все-таки и среди рабынь, о которых ты говоришь, и среди них я буду уважаем».

Всегдашнее у Давида: для Бога умалиться и смириться. Он, конечно, юродствует пред Ним. Но нет ли и тут связи с будущим?

Самые слова «умалюсь», «смирюсь»... так ли далеки от знаменитого: «Многие же будут первые последними и последние первыми».

Библия берет сторону Давида, против Мелхолы: «И не было детей у Мелхолы, дочери Сауловой, до дня смерти ее», – голос земли Исаака и Иакова.

* * *

Летом в Палестине необыкновенной зной. Спать в домах невозможно – устраиваются на плоских кровлях, под звездами. Так было и при Давиде, и при Христе.

В персиковом рассвете видел Давид со своей кровли в Иерусалиме лиловую дымку Моавитских гор, Масличный холм, слегка всхолмленную равнину к Вифлеему, где прошло его детство, юность. Кипарисы, оливки, виноградники со сторожевыми башнями, овцы на пастбищах, голубой дымок костра пастушьего.

Пахло, наверно, все тем же: козьим сыром, укропом, свежестью и росой пустыни.

У Давида хороший дом, но еще не дворец Соломона, просто дом, с хозяйством и службами, основательно строенный. Сам он уже не так молод: войну ведет полководец его Иоав. А царь прогуливается утром и вечером по кровле дома. И вот раз, под вечер, увидел он моющуюся женщину, очень красивую.

В том, что он захотел Вирсавию, нет ничего удивительного. Мало ли кого он хотел. Но тут все слагалось особенно. У Вирсавии был муж Урия, служил в войске Давида, у Иоава. Давиду Вирсавию привели, он сблизился с ней, и она забеременела. Он послал в войско за Урией. Тот явился. Давид расспросил его о войне и отправил домой. Урия не пошел. «Ковчег Божий, и Израиль, и Иуда находятся в куцах, и господин мой Иоав, и слуги государя моего стоят станом в поле; могу ли я идти в дом мой есть и пить и спать с женою?»

Может быть, чувствовал он дома неладное. Во всяком случае ответ его безупречен. Он остался со слугами царя. Так же поступил и на другой день.

Тогда Давид отослал его назад в войско, а Иоаву написал, чтобы этого Урию поставить в самое опасное место.

Все так и вышло, как царь хотел, – так, да не так: Урию, разумеется, враги убили, Давид тут будто бы и ни при чем, Вирсавию свободно берет в жены, но не напрасно связан он с Богом. Не освободиться и не спрятаться! Никто не знает, а Бог знает. От Него не уйти. В войнах Давиду случалось – и сколько раз! – поражать «острием меча». Не оставлять в живых ни мужчин и ни женщин, ни ослов, ни волов, но то расправлялся он с врагами. Чаще всего – с врагами Самого Бога. Моавитян, победив, разложил по земле, «размерил их веревкою, и две части из них отмерил на убиение, а одну часть оставил в живых». Это все ничего. Война так война. Довелось и Ахимелеха обмануть и подвести – там он шел к цели, не им поставленной. *Пришлось* так поступить! Но вот здесь: предательски, исподтишка умертвить верного Урию, чтобы завладеть его женою... «Дурен был в очах Господа поступок, который совершил Давид». До сих пор Бог говорил с ним прямо, без посредников. Теперь нечто встало между ними. Бог замолчал.

Пророк Нафан послан Им к Давиду, как некогда Самуил к Саулу.

Нафан рассказывает ему историйку: в городе жили богатый и бедный. У богатого сколько овец и крупного скота. У бедного – только одна овечка. Он ее вырастил вместе с детьми. «Один кусок с ним ела, из чаши его пила, на груди его спала и была для него, как дочь».

К богатому пришел гость. Богатый пожалел свое добро, взял овечку у бедного, зарезал, приготовил ее для гостя.

Давид вознегодовал. «Повинен смерти» сделавший это. «Ты этот человек», – отвечает Нафан. И Давиду выносится приговор: за то, что тайно он делал дурное, наведется на него бедствие явное, из его же дома. Очень он пострадает. Взяты будут и жены его, соперник будет спать с ними «перед этим солнцем».

Давид признает: «Согрешил я пред Господом». Саул в свое время тоже сознался. Бог его не простил. Давида наказывает, но от Себя не отталкивает – путь Давида иной.

Наказание же начинается тотчас. По грозному духу Ветхого Завета переносится сначала на невинного младенца: сын Давида и Вирсавии, как бы символ греха, заболевает. Давид мучается, постится, проводит ночи лежа на земле. На седьмой день ребенок умер. Слуги, видя горе Давида, боялись даже сообщить ему об этом. Оказалось – напрасно.

Как Давид любит жизнь, живое! Мальчик был жив, он терзался за него, искренно пытался Бога умилостивить постом, молитвою. Молитва не услышана – значит так надо. Свершилось. Взор его опять направлен на живое. «Могу ли уже я возвратить его? Я пойду к нему, а он уже не возвратится ко мне». А жизнь есть что? Пламя! Умер сын, пылай далее. Осталась прекрасная Вирсавия. Что бы ни говорить, а она прекрасна. И «утешил Давид Вирсавию, жену свою, вошел к ней, спал с нею». Одна жизнь ушла, другая появится. Был грех, но вот теперь Сам Господь принимает их союз. Вирсавия вновь зачинает. И какой рождается у нее сын! Соломон, будущий царь, созидатель храма. «И Господь возлюбил его» – Бога как будто радовало в Давиде его жизнелюбие.

Это не значит, что он уже прощен. Но безнадежности нет. У него не отымается царство, оно за ним даже закрепляется, передается в род. Искупить же содеянное еще предстоит.

* * *

Борьба с Саулом, «скитания в земле безводной» дали одну часть псалмов. Вирсавия и убийство Урии – другую.

В преддверии знаменитого пятидесятого псалма сказано: «Когда приходит к нему пророк Нафан, после того, как он вошел к Вирсавии». Далее и идет вопль: «Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей».

Грех, двойственность – в самом корне бытия, в глубине человека. Нет такого, кто хотел бы быть преступником. А преступники все. Через тысячу лет после Давида скажет апостол: «Добра, которого хочу, не делаю, а зло, которого не хочу, а что ненавижу, то делаю». Вовсе Давиду не нравилось убивать Урию. Но Вирсавия нравилась больше, чем не нравилось убийство. И в вечность летят слова из-под гуслей, увеселявших некогда Саула: «Яко беззаконие мое аз знаю и грех мой предо мною есть выну»; «Окропиши мя иссопом и очищуся: омыеши мя и паче снега убелюся». Жить в грехе – значит дышать зараженным воздухом, задыхаться и томиться, как Саул. Вот, поэтому: «Слуху моему даси радость и веселие» – не прожить ведь без радости. Но для этого нужно, чтобы Бог создал «сердце чисто» и не отверг от Себя. «Духа Твоего Святого не отыми от мене». Он же сам, грешный и последний Давид, уже «умалился» и «смирился», поэтому и надеется на милость Божию, ибо «сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничтожит».

По духу смирения и сокрушения своего и вошел этот псалом целиком в христианское богослужение – тысячи раз повторяет его Церковь, тысячи раз повторяет и отдельный христианский человек в общении с Богом. Пятидесятый псалом есть дверь к Богу.

Из сыновей Давида выдавался Авессалом. Был он знаменит красотой, как в молодости и отец. А особенная слава – волосы. «И когда он стриг свою голову (а стригся он из года в год, так волосы тяготили его), то остриженные волосы с головы его весили двести сиклей царского веса».

Этот Авессалом рано начал проявлять себя: убил брата, вынужден был бежать в Гессур, там пробыл несколько лет, но, прощенный Давидом, вернулся в Иерусалим. Сначала отец не принимал его, наконец допустил и к себе. Что-то нравилось ему в Авессаломе, может быть, напоминая собственную молодость, – красота, смелость, бурный нрав?

Авессалом завел себе колесницы с конями, пятьдесят скороходов – видимо, зажил роскошно. Никак не скажешь, чтобы он любил отца! Действовал даже против него: по утрам перехватывал просителей у дверей дома Давида, льстил им, убеждал, что у царя нет праведного суда (а вот у него, когда он получит царство, будет). К славе, власти явно влекло его. И еще при жизни он поставил сам себе памятник.

Кончилось все это открытым восстанием. Авессалом ушел в Хеврон и там объявил себя царем Израильским. Давид, начавший с победы над Голиафом, всю жизнь воевавший, поражавший «острием меча», не оказал сопротивления. Со слугами своими и всем домом вышел пешком из Иерусалима. Только жен оставил – стеречь добро. Священники несли Ковчег Завета. Ратники гефские и палестинские сопровождали его; царь перешел через поток Кедрон, направился к пустыне. Тут на пути его Масличная гора, Елеонская, та самая. Гефсимании еще нет, но оливки при Давиде могли быть и те, под которыми позже молился Спаситель, – оливковое дерево долговечно.

Давид шел босой, с покрытой головой, и плакал. И вокруг все плакали – в бедствии своем Давид не был так одинок, как Иисус. Спустившись несколько с вершины в направлении пустыни Иудейской, издавна ему знакомой, он встретил даже знак внимания и любви: Сива, слуга Мемфивосфея, сына Ионафанова, встретил его с двумя ослими, на которых навьючено было двести хлебов, сто связок изюму, сто караваев сушеных плодов и мех вина – все это для скитания царя в пустыне. Сива и объяснил: пусть царь кормится, вином утоляет жажду, а на осле может ехать. Так и вышло. «На осляти» въезжал Спаситель в Иерусалим перед Голгофой. «На осляти» же Давид с горы Елеонской к своей Голгофе, в изгнание. Стенал на горе стенаний, получил от Сивы каплю утешения, а далее, в Бахуриме, принял и поношение. Сквозь библейское повествование так чувствуется этот Семей «из родства дома Саулова» – все еще отголосок прежних распрей. Яростный облик тех же иудеев, что Пилату кричали: «Распни его!», при виде апостола Павла раздирали на себе одежды и «метали пыль в воздух». Семей шел рядом с караваном Давида и бросал в царя камни. Ругал его, именно шел и «лаялся», так и этак обзывая свергнутого владыку: кровопийцей, палачом, преступником. Когда один из приближенных сказал Давиду: «Зачем ругает этот мертвый пес государя моего, царя? Позволь, я пойду и сниму с него голову», – Давид предварил позднее: «Вложи меч твой в ножницу». Он не прибавил, что «взявший меч от меча погибнет», но слова его все равно остались золотом.

«Пусть ругает: может быть, Господь повелел ему обругать Давида».

Да, ответ за Вирсавию, Урию.

«Вот, и сын мой, который произошел из моей утробы, посягает на жизнь мою; тем более может это вениаминянин. Оставьте его, пусть ругает: верно, Господь повелел ему».

Давид, в ущербе своем, продолжал путь. А Семей шел рядом по скату горы, «и все проклинал его, бросал камнями сбоку и осыпал его пылью».

Так удалился Давид в пустыню, Авессалом же занял Иерусалим. Хитроумный Ахитофел, бывший ранее при Давиде, а теперь перебежчик, посоветовал Авессалому так: «Войди к наложницам отца твоего, которых он оставил для присмотра за домом». Расчет будто бы правильный: Авессалом станет «омерзительным» отцу, примирение невозможно, и это «укрепит руки» сторонников Авессалома.

Авессалом так и сделал. На той самой кровле, с которой любовался Давид окрестностями Иерусалима и Вирсавией, поставили палатку. «И вошел Авессалом к наложницам отца своего пред глазами всего Израиля».

* * *

Давид, очевидно, чувствовал, что все это бедствие есть расплата. Он ее претерпевал, но и верил, что царство у него не отымет. Путь голгофский проделал, поношения принял, в пустыне кочевал, как во времена борьбы с Саулом, сушеными плодами Сивы питался. Но рук не полагал. Наступил час – начал действовать.

Можно думать, что пока Авессалом сидел в Иерусалиме, занимаясь наложницами отца, упиваясь «вином и сикером», Давид не терял времени: устраивал свое войско, сзывал сторонников, внезапно переправился через Иордан и засел в городе Маханаиме. Авессалом наконец (сильно опоздав: это и дало возможность Давиду окрепнуть) двинулся также в Заиорданье. Давид разделил свои силы на три части, под начальством Иоава, Авессы и Еффея гефянина. Хотел идти с ними сам, но народ потребовал, чтобы он остался в городе и оттуда помогал им: боялись, что, если убьют царя в сражении, это сразу решит дело, – может быть, был он уже и не так крепок, как раньше.

Давид остался. Военачальникам же дал приказ: пощадить юношу Авессалома.

Авессалом со своими израильтянами стоял где-то недалеко от Маханаима: по-видимому, близ «леса Ефремова». Вряд ли лагерь его хорошо охранялся. Вероятно, Давид знал об этом и не напрасно разделил свои силы на три. Сражение произошло, по Библии, «в лесу Ефремовом». Не указывается ли здесь, однако, заключительная его часть – бегство израильтян Авессалома?

Не напали ли на них внезапно, с трех сторон, полководцы Давида где-нибудь около леса, а в лесу уж избивали бегущих?

Сам Авессалом скакал сквозь чащу на своем лошаке. Со времен ученических врезается в память: Авессалом, зацепившийся длинными своими волосами за ветви дуба, повис на них – лошак же выскочил из-под него. Иоав не послушался Давида, всадил Авессалому в сердце три стрелы. Израильтяне оказались совершенно разбиты коленом Иудиным.

А Давид сидел между двумя воротами у входа в Маханаим. Ждал исхода боя. Был вечер. Сторож ходил по кровле над стеною, карауля вестника. Удлинялась тень сикоморы, под которою сидел Давид. Вот он, еще новый день его томлений и борьбы, закатный день бурной жизни... – тогда с Саулом боролся, пред которым и благоговел. Теперь с собственным сыном, которого – неизвестно за что! – так любил.

Сторож закричал: бежит кто-то!

Действительно, вестник. Добежал, поклонился царю до земли – победа. На вопрос же об Авессаломе ничего не ответил. Но вот и второй бежит, эфиоплянин. И когда у него спросил Давид: «Благополучен ли юноша Авессалом?» – тот отвечал: «Что сбилось с этим юношей, пусть сбудется с врагами государя моего, царя».

Этого-то Давид и не мог вынести. Царство, Иерусалим, дворец, жены – все возвратилось, только не «юноша Авессалом», который чуть было его не погубил.

Царь был подавлен. Поднялся в горницу над воротами и все плакал и все восклицал: «Сын мой Авессалом, сын мой, сын мой Авессалом! Кто дал бы мне умереть вместо тебя, Авессалом, сын мой, сын мой!»

Странная победа. Лучше бы победителю умереть вместо побежденного! Народ тотчас узнал, что царь скорбит смертельно. И возвращались в город смущенные, точно беглецы после поражения. Узнал об этом и Иоав. А царь все стонал: «Сын мой Авессалом, Авессалом, сын мой, сын мой!»

Иоав в гневе явился к царю. «Посрамил ты сегодня лице всех слуг твоих», – Иоав совершенно прав: они спасли и самого Давида, и жен его, и дочерей его, и наложниц, а он плачет как о несчастий. «Ты любишь ненавидящих тебя и ненавидишь любящих тебя», – ведь если бы

все умерли, и сам ты. «Теперь я знаю, что если бы только Авессалом был жив, а мы все умерли сегодня, то было бы для тебя лучше».

«Любишь ненавидящих тебя и ненавидишь любящих тебя», – не впервые священное безумие владело Давидом. Приходилось и раньше действовать против здравого смысла. Но как царь и вождь, в технике дела своего он не мог быть безумцем. И теперь внял совету Иоава («Встань, выйди и скажи что-нибудь приятное для сердца слуг твоих – иначе все они разбегутся».) Давид встал, пересилил себя, вышел к народу и сел у ворот – вновь спокойный, разумный, народу благодарный царь Давид. Все отложившиеся израильтяне перешли к нему.

* * *

«Дней лет наших всего до семидесяти лет, а при крепости до осьмидесяти», – как ни был крепок Давид, а до восьмидесяти не дожил, не вышел из меры обычного.

Вот и пришел его вечер. Все идет, как и надо. Ниже солнце, длиннее тень сикоморы, но врагов он или военачальники его продолжают поражать, восстание против него Вохора не удается. Как «сладкий песнопевец израилев» воздаст он хвалу Богу за все, чем Он наделил его, а действия его странны и загадочны, иногда вызывают ужас, но, кажется, надо просто, не мудрствуя, смириться пред ними: понять то время и тех людей до конца мы не можем. Не нам разбирать грехи Давида. Мы лишь укажем на дела его. Скажем: «Значит, так почему-то надо было в его судьбе».

Три года преследует голод страну Давида. Он спрашивает Бога: за что? Ответ: за преступления Саула. Он избивал (неправедно) гаваонитян, соседей Иерусалима. Давид призывает гаваонитян и спрашивает, как загладить грех. Они потребовали, чтобы он выдал им семь человек из потомков Сауловых, чтобы они распяли их «пред Господом на холме Саула». «Царь отвечал: я выдам».

Последний отсвет юности Давида: Ионафан, Мелхола! «Скорблю о тебе, брат Ионафан: ты был для меня так драгоценен», – годы прошли, то и осталось: «Любовь твоя ко мне была превыше любви женской». Давид пощадил сына Ионафанова, Мемфивосфея, не выдал его гаваонитянам. А Мелхола? Некогда его спасшая, а потом «презревшая», посмеявшаяся над его «скаканием»?

Очевидно, она в третий раз была замужем – за неким Адриелем, родила ему пятерых сыновей. Вот этих сыновей, как и ее сердце, не пощадил Давид. «Людей смиренных Ты спасешь», – это он сказал. «Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничтожит». Но вот сам и отдал безответных и невинных, детей бывшей своей жены и спасительницы, на муку. «Распяли их на горе пред Господом... Они умерщвлены в первые дни жатвы, в начале жатвы ячменя».

В один из последних годов царствования своего Давид сделал перепись народа. Это был грех – Бог чрез пророка Гада предложил ему на выбор три наказания: семилетний голод, три месяца бегать от врагов, три дня моровой язвы.

«Тогда сказал Давид Гаду: очень прискорбно мне; но пусть я впаду в руку Господа, ибо велико Его милосердие; только бы не впасть мне в руки человеческие».

Все что угодно, только не преследования врагов! Видно, не забыть ночей в пещере Адул-ламской, в зимний холод, с воем шакалов, блеском дальних звезд, вечным ужасом меча Саулова!

Лучше уж голод или моровая язва. Господь скорей помилует, чем люди.

Господь послал моровую язву. От нее сразу погибло семьдесят тысяч человек.

Ангела, поражавшего народ в Иерусалиме, увидал Давид и сказал Богу: «Вот, я согрешил, я поступил беззаконно: а эти овцы что сделали? Пусть будет, молю Тебя, рука Твоя на мне и на доме отца моего».

Дрогнуло сердце Давидово. Как некогда Авраам не задумался принести в жертву сына, так Давид предлагает себя – хотя, конечно, мог ранее выбрать тот род кары, который не задел бы народа.

Бог сжалился и над народом, и над Давидом. Остановил Ангела смерти «у гумна Орны Иевусеянина».

* * *

Жизнь идет к концу. Давид старится, холодеет. А как любит живое, теплое! Никакие одежды уж не согревают. Тогда отыскиали для него прекрасную отроковицу. Это уже не жена, не любовница. Ависага-сунамитянка – нежное пламя бытия. Отходя «путем всей земли», завещая сыну царство и мужество («крепись и будь мужем»), приникал Давид к последнему очарованию земли. Ависага ухаживала за ним, спала на его груди, юностию своею согревала его. «Но царь не познал ее».

Он царствовал сорок лет. Семь в Хевроне, тридцать три в Иерусалиме. Наследнику своему Соломону оставлял прочное царство с крепостью Сионом. Но храма Иегове не было дано ему построить.

«Странник я у Тебя, пришлец, как и все отцы мои».

Соломон не был уже странником, храм построил.

Давид прожил семьдесят лет.

III

Пробудись, слава моя; пробудись, псалтирь и гусли; пробужу я утреннюю зарю.

Псалом 57

Возри на страдание мое и скорбь мою и прости все прегрешения мои.

Псалом 25

Сила моя! Тебе воспою; ибо Ты Бог, защита моя, милующий меня.

Псалом 58

Время течет, время проходит: Саул, Давид, Соломон.

Вот, помазал Саула Самуил, излил елей рога, дал ему Господь «другое сердце» – и оно не удержалось. Поддалось бесам. «Из глубины воззвах к Тебе» – и Саул взывал, рыдал на путях жизни. («Твой ли это голос, сын мой Давид?») Но будто проклятие над ним. И вновь, снова гонит он того, преследует, о котором уже знает, что он – Божий, ему венец, царство. Как отчаянный игрок, ставит и ставит. Чувствует, что проигрывает – удержаться нельзя: вихрь несет, в тоске, мраке. Первобытно все в Сауле, целина, никаким плугом не оранная. Слепая сила, как у Самсона. Копье его свистит, не убивает: ни Давида, ни Ионафана. А искра сердца (к Богу) как бы недостаточна: не прерывает тучи, все над ним, в нем бушующей. Не прорваться вверх. Но спуститься в преисподнюю. Не напрасно он в пустыне, у колдуньи, ночью, в темноте, муке: занесли бесы вовсе вдаль.

И могильный призрак Самуила, потревоженная тень в Эндорре! «Завтра ты и сыновья твои будете со мною» – завтра бои с филистимлянами; погибает Саул с Ионафаном. Плачьте, дочери израильские.

И Давид пел и плакал. Как же не оплакать Саула?

Все это было при Давиде. А вот что после: премудрый Соломон, «возлюбленный» Богом, наследник царства. У Саула отымается, Соломону само идет в руки. Саул неудачник, Соломон удачник. Слава, почет, богатство. И сколько даров излито! Правитель и судья, поэт, философ, собиратель и строитель – все хорошо, все благополучно. Но... все «суета сует». А что ни взять во дворце или храме – золотое. Херувим, пальмы и распутившиеся цветы, цепь и внутренность храма – все из золота. Во дворце трон слоновой кости обложен чистым золотом. И сосуды для питья золотые: серебро ни во что не считается.

Сколько всего! И для чего все это? Значит, для чего-то нужно. «Сорок тысяч стойл для коней колесничных и двенадцать тысяч всадников», «семьдесят тысяч носящих тяжести и восемьдесят тысяч каменотесов в горах».

Жен – только главных: семьсот. Наложниц триста. Но: «Все произошло из праха и все обратится в прах».

«Кто знает, дух сынов человеческих восходит ли кверху и дух скотов сходит ли вниз, в землю».

Вот она, мудрость Соломона! С нею тяжело восседает он на троне из слоновой кости, как золотой кумир, – старый и уже усталый даже и тогда, когда не стар.

Между Саулом и Соломоном Давид. Одному – странный враг, другому – отец. Этот не стар, даже когда отходит «путем всей земли» (телом холодеет, но завет сыну: «Крепись и будь мужем»). Не напрасно изобразил его Мике ль-Анджело юношей.

Его Давид, разумеется, только еще певец, Орфей, воин и победитель Голиафа. Давида борений, падений и прегрешений, как и Давида стенаний о грехах, выразил уж не мрамор, но псалмы и узор жизни.

Но и здесь он всегда молод. Он не может быть стар потому, что всегда раскален. Он не прозябал – пылал. И когда побеждал, и когда грешил. Когда каялся и когда, низвергнутый, брел под семеевой бранью в изгнание. И когда юродствовал, и когда скакал пред Господом, и когда притворялся безумным. И когда плакал, прощаясь с Ионафаном, и когда рыдал по Авессалому, и когда любил Вирсавию. Священный ветер Ветхого Завета, сквозь чащи мчащийся к райским рощам. Он один в его время чувствовал новый мир. «Ты любишь ненавидящих тебя и ненавидишь любящих тебя», – с яростью упрекает его ветхозаветный Иоав.

И да, и нет. Необычны его чувства. Не то, чтобы он всегда ненавидел любящих. Но не всегда ненавидел врагов. «Кроткие наследуют землю». «Близок Господь к сокрушенным в сердце и смиренных духом он спасает». Кто первый разбил «око за око и зуб за зуб»? Царь Иудейский Давид.

«Исповедаюсь в преступлениях моих пред Господом» – никогда Давид не будни и не повседневность. Не спускал он глаз с Солнца Мира ни тогда, когда бедствовал в пещере Адул-ламской, ни на «скалах горных коз», – нигде вообще в земном своем странствии. Бог был и во взоре его, и в сердце. Был, когда он делал доброе. Когда же делал злое, тоже не мог от Него оторваться, хотя и бывал ослеплен: тем острее стенание. Не мог безысходно спускаться в отчаяние, богоотступничество, как Саул (Давида Бог любил, Саула нет – вот это тайна). Не мог и, как Соломон, впасть в оцепенение роскоши, наслаждений, славы. Не видишь Давида в дремоте.

В страшной силе жизни, жадности к ней путь его все же к Царствию Божию. Оттого он противоречив, пестр, с лепите лен. Но и вечно юн. Давид преобразует, дает лик человека вообще, Адама, трепещущего мощью и рожденного во грехе, с вечной тоской по безгрешности.

«Благослови, душе моя, Господа, и вся внутренняя моя имя святое Его» – войдешь в храм, голос Давида раздается тотчас, будто и не было трех тысяч лет.

«На всяком месте Владычества Его благослови, душе моя, Господа».

Алексей Божий человек

I

Евфимий был знатный римлянин, полный и благодушный. Жил широко в великолепном доме у подножия Авентина. Любил гулять в своих садах, где кипарисы окаймляли Тибр, беседовать с философами, в жару сидеть под портиком и слушать флейту, запивая ледяной водой щербет. Все делалось вокруг легко и просто: кто-то подавал ему сандалии, застегивал одежду, накрывал на стол. И сами появлялись вина.

Тридцать лет правила домом его жена, белая, красивая и добрая, такая же дородная, почтенная, как муж. Сотни рабов прислуживали ей. С ними обращались хорошо. И им завидовали рабы других господ.

Каждый день Евфимий выставлял несколько столов для бедных – вдов, странников, детей, убогих. Правда, было это вблизи кухни и далеко от жилых покоев. Иногда он, улыбаясь, важно и приветливо проходил мимо обедающих, и те славили его. В другие дни, когда они слишком шумели, а он хотел читать возвышенное или поэтическое, то удалялся в сад, к Тибру, где у него был выстроен небольшой домик. Здесь шумел вечным, милым шумом Тибр. Евфимий безраздельно отдыхал за чтением от своей роскошной жизни.

Он полагал, что просвещение – вещь величайшая. И к его сыну Алексею приходили ежедневно риторы, грамматика, философы. Диакон Петр из церкви св. Пуденцианы, огромный и лохмато-добродушный, обучал его катехизису.

Алексей не был красив, как мать, и крупен, как отец. Казался даже слабоват. Не совсем правильная голова с огромно-выдававшимся затылком. Глаза шире расставлены, чем надо, серые, с тонкими веками, иногда некрасивые, иногда вдруг заливались светом и воодушевлением. А улыбался он застенчиво. К философии и священной вере имел крайнее влечение. Особенно был им доволен высохший, как обезьянка, грек философ Хариакис и диакон Петр.

– Не утомляй себя, – говорил отец. – Жизнь длинна. Посмотри на меня. Мне пятьдесят, а я молод, потому что никогда не признавал излишеств. Во всем мера. В этом мудрость и залог здоровья, силы, счастья.

Алексей слушал почтительно. Не возражал и занимался своим делом с твердостью, восхищавшей Хариакиса.

– Ах, – говорил тот, дыша чесноком, – что за мальчик! Родился философом. Если бы не дурак Петр... но что смыслит этот невежда?

Хариакис с высоты своего рваного плаща и греческого нищенства не выносил римлян.

– Юноша, – обращался он к Алексею, – в тебе пламя божественного Плотина! У тебя затылок философа. Но уввы, тебе надлежит жить, прости меня, в этом мерзейшем городе, рядом с которым наша Беотия или Коринф¹ – столицы. Многого я от тебя ожидаю, но запомни: мир дряхл и, Рим твой, хоть и груб, но стар и развращен, клянусь лучшей луковицей моего прежнего огорода в Пиргосе! Натащил себе богатств со всего света, сел на них, икает, пьянствует и думает: я лучше всех. А вот я, Аристид Хариакис, поклоняющийся Плотину, я, кого вчера рабы Рутилия Фигула чуть не избил за то, что я нечаянно задел плащом, проходя, их господина, я кричу: довольно, суд идет! Довольно преступлений и насилий, жадности, богатства, зверств. Так сказано и в вашей христианской книге², где пророчество о городе. Прибавлено, что это Вавилон. А я тебе говорю: Рим! Ах, что за люди! Что за жизнь!

¹ Беотия – область в Средней Греции со столицей Фивы; Коринф – греческий город-порт на полуострове Пелопоннес.

² Предсказание о том, что «Вавилон Великий, мать блудниц и мерзостям земным» падет, содержится в Библии в Откро-

Хариакис завернулся в плащ свой рваный и торжественно вышел. Он был такой маленький и тщедушный, что его можно было бы, как игрушку, положить в карман, но надувался величаво и, вздыхая по своему огороду в Пиргосе, шел бродить в сумерках по темным улочкам у театра Марцелла, где слонялись подозрительные личности. С ними заводил он шашни.

И в вонючих кабачках запивал козий сыр вином, громил богатство, роскошь и пресыщенность. Иногда надоедал, и его били.

II

Чтобы как следует понимать жизнь, Алексей был еще молод. Он слишком мало ее знал. Но слишком резко из нее выделялся, как выступал его затылок из числа других. Он очень любил мать и отца, но ему скучно было бы так важно, благодушно шествовать под портиком или смотреть, как под надзором матери ключницы складывают в кладовые тонкие полотнища холста.

Он лучше и счастливей чувствовал себя на убогом холме Эсквилина, в смиренной церковке св. Пуденцианы на вечерне или за стенами Рима нежной зарей в виноградниках и кипарисах катакомб. Кто-то был с ним, светлый и таинственно-великий. Свечи золотистее теплись в церкви, обольстительней аела тучка на закате. Возвращался он легким и радостным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.